

УДК 821.161.1-192:785
ББК Щ318.5+Щ33(2Рос=Рус)64-45
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.29

Л. А. НАУМОВ

Санкт-Петербург

**ПОЭТ И ИДОЛ. МИФОЛОГИЗАЦИЯ И КАНОНИЗАЦИЯ
КАК ПОЗДНИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются прецеденты, а также тенденции канонизации и мифологизации поэтов русского рока. Анализируются причины и следствия «исторической акселерации» – ускорения темпов формирования литературных репутаций в данной сфере. Вопрос обсуждается на широком спектре примеров, затрагивая большинство аспектов возникновения исторического имиджа как человека, так и эпохи.

Ключевые слова: идолы, мифологизация, канонизация, литературная репутация, рок-музыка, рок-поэзия, русский рок, рок-музыканты.

Сведения об авторе: Наумов Лев Александрович, кандидат филологических наук, писатель.

Контакты: 197136, г. Санкт-Петербург, а/я 20, camellab@mail.ru.

L. A. NAUMOV

Saint-Petersburg

**POET AND IDOL. MYTHOLOGIZATION AND CANONIZATION
AS LATE STAGES OF LITERARY REPUTATION FORMATION**

Abstract. The article deals with wide range of precedents, as well as trends of canonization and mythologization of Russian rock poets. The causes and consequences of the «historical boost» (accelerating the pace of literary reputation formation) are analyzed. The issue is discussed on a spectrum of examples, touching most aspects of the emergence of the historical image for both cases: man and epoch.

Keywords: idols, mythologization, canonization, literary reputation, rock music, rock poetry, Russian rock, rock musicians.

About the author: Naumov Lev Alexandrovich, Candidate of Philology, Writer.

Вопрос соотношения рок-поэзии с поэзией академической или шире – песенных текстов с литературой – обсуждается давно, жарко и плодотворно [2]. И хотя сейчас он уже не производит впечатления всё ещё открытого, дискуссии по упомянутому поводу не утихают, принимая порой форму латентной войны и вовлекая в себя не только исследователей, но даже авторов. Так или иначе, искать творческие основания для подобной диффе-

ренциации, связывать их с формой, категориями «качества» или обуславливающими взаимосвязями лирики с аккомпанементом дело достаточно бесперспективное.

Задачу формирования критериев принадлежности текста к литературе начали активно решать ещё в эпоху Возрождения, и прошедшие с тех пор века позволяют нам с уверенностью говорить о том, что чёткие бесспорные признаки предьявить вряд ли возможно, в то время как современные художественные течения убеждают, что это и не нужно. Однако если есть область достаточно наглядных различий песенной и традиционной поэзии, то она лежит в сфере механики и динамики формирования литературных репутаций [6]. Более того, масштаб этих различий всё увеличивается, а характер неумолимо радикализуется с восьмидесятых годов.

Отметим, что Иван Розанов начинает свою программную статью «Литературные репутации» со следующей декларации причины его научного интереса к заглавному понятию: «Относительность эстетических оценок, непрочность всякого догматизма в этом отношении всё более и более проникает во всеобщее сознание». Иными словами, он подтверждает заявленную проблему, которая, очевидно, стояла век назад (статья написана в 1922 году) далеко не так остро, как в наши дни, однако уже обращала на себя внимание. Розанов предлагает её решение именно посредством теории литературных репутаций, фокусирующейся на «исследовании факторов литературного успеха», а также его классификации и создании соответствующей терминологии. Именно это нас и будет интересовать для случая отечественной рок-поэзии.

В действительности, даже на уровне институций формирования рок-репутация заметно отличается от литературной. Начнём с того, что роль критики, как промежуточного звена между автором и потребителем искусства значительно ниже, а в настоящее время ею можно просто пренебречь. Научный интерес к року всё ещё остаётся маргинальной сферой, вовлекающей относительно узкий круг исследователей. Но куда большее значение имеет то обстоятельство, что востребованность гуманитарных исследований потребителями искусства в традиционной поэзии на порядок выше. Добавим, что рок-сфера характеризуется отсутствием уважаемых и профессиональных премиальных институций, создающих репутации. Даже награды фестивалей Ленинградского Рок-клуба, московской Рок-лаборатории и других официальных организаций восьмидесятых годов при всём их неоспоримом историческом значении не являются здесь контраргументом. Это были в первую очередь концертные события, тогда как перечни лауреатов и дипломантов оказывались лишь формальностью, а потому порой носили едва ли не случайный характер.

В более поздние времена общепринятой премиальной практикой стало оценивать творчество рокеров не столько с позиций поэтики и художественных достижений, сколько с позиций популярности. Иными словами, крупные премии стали не средством первичного формирования, но инструментом апостериорного учёта рок-репутаций.

Сказанное подводит нас к едва ли не ключевому отличию, кроющемуся в динамике признания, условно характеризующей литературную и песенную сферы: высоты популярности успешных (а мы рассматриваем именно такие, знаковые репутации) поющих поэтов существенно превосходят достижения традиционных авторов. Более того, несмотря на то, что возникает совершенно разный исторический имидж, как правило, условно эквивалентного уровня признания рокеры добиваются заметно быстрее. Причём это касается как прижизненной, так и посмертной известности.

В то же время следует отметить, что в песенной среде трудно себе представить распространённую литературную биографию: неизвестный автор после ухода в мир иной «открывается» и зарабатывает невообразимую репутацию. Однако это модель судьбы множества литераторов в широком ассортименте от Франца Кафки до Эмили Дикинсон. Но даже внешне немного похожий случай Башлачёва отличается принципиально, ведь ещё при жизни его признание неизменно росло буквально ото дня ко дню, пусть и только в доступном узком кругу. Тем не менее, никто не мог бы тогда предположить, каких масштабов оно достигнет после смерти Александра.

В силу особенностей художественного метода, а также высокого градуса экзальтации и специфики аудитории едва ли не высшим качественным этапом формирования рок-репутации становится возникновение вокруг автора культа. В свою очередь это уже трудно представить в современной традиционной литературе. Поэт остаётся поэтом, тогда как рок-поэт может стать идиолом.

В этом отношении – впрочем, далеко не только в этом – рокеры по социальной роли и потенциалу влияния оказываются скорее сродни авторам эпохи романтизма, создававшим реальную альтернативную духовную сферу, могущую соперничать даже с религией, чем собственным современникам и непосредственным предшественникам.

Даже если вспомнить о «золотом веке» советской поэзии, то приходится признать: вместимость большого зала Политехнического музея не сопоставима со стадионами, которые стали адекватными площадками для рок-концертов. Известно, как, прервав своё выступление в Рок-клубе, Михаил Борзыкин сошёл со сцены и возглавил шествие публики и коллег на Смольный. Можно ли представить нечто подобное в исполнении традиционного поэта? Добавим, что распространённые в наше время футболки с портретами Вознесенского и Евтушенко появились вовсе не тогда, а значительно позже, равно как и другой «мерч» с изображениями Бродского, Окуджавы, Маяковского, Есенина, Пушкина и Лермонтова. Всё это возникло, когда подобные репутационные проявления были давно и всесторонне освоены рок-культурой.

И в то же время песенная поэзия оставалась и остаётся персоной нон-грата в профессиональном литературном сообществе. Особенно остра ситуация в нашей стране. Несмотря на то, что присуждение Нобелевской премии Бобу Дилану в 2016 году возмутило общественность во всём мире [8], именно в России негодования вплотную подошли к разумному пре-

делу. А уж сугубо национальная ситуация с присуждением премии «Поэт» Юлию Киму годом ранее едва не вышла за него.

Причины упомянутого неприятия или игнорирования понять нетрудно: в статье «Популярные песни и их авторы» [7] Розанов устанавливает два типа «литературного бессмертия»: «книжное» и «фольклорное». Традиционной поэзии более свойственно первое, тогда как рок тяготеет ко второму – более труднодостижимому, но и более «надёжному». Два «бессмертия» естественным образом не благоволят друг другу и даже, если угодно, конкурируют. Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие общей семантики, противоборство здесь имеет ту же природу и те же свойства, что и каноническая литературная конфронтация западников и почвенников-традиционалистов.

Добавим, что в последнее время рок-поэзия всерьёз заявила и о бессмертии в «книжной» ипостаси. Это подлило масла в огонь. Скажем, в 2014 году на фоне тотального разговора об упадке интереса к чтению вообще рейтинги продаж поэтических книг по данным многих крупнейших магазинов Москвы возглавил сборник Андрея Лысикова «Стихи» [3]. Автор более известен под сценическим псевдонимом Дельфин. Бродский и Мандельштам сопоставимые показатели продемонстрировать не могли.

С одной стороны, отторжение песенной поэзии профессиональным литературным сообществом создавало и создаёт серьёзную проблему культурного позиционирования, но с другой подобная ситуация, удивительным образом, оказывается более выгодной и «безопасной» для рок-героев. Розанов замечает, что «каждый писатель, признанный “бессмертным”, попадает в привилегированное положение. Слава его растёт вплоть до того момента, пока его не “разъяснят”». Очевидно, что разъяснение ретардируется относительно малым филологическим интересом.

Тем не менее, многие рок-поэты давно и надёжно вошли в стадию полноценной культурной канонизации. Всё тот же Розанов в качестве признака этого процесса называет включение текстов в программы образовательных учебных заведений [5]. Это, безусловно, ключевая, хоть и не единственная черта. Так или иначе, стихи Гребенщикова и Башлачёва давно попали в учебники литературы и книги для чтения. Положим, это вряд ли может произойти с Егором Летовым, однако его канонизация также не вызывает сомнений. Эти и многие другие поющие поэты вошли и закрепились в молодёжной программе, которая не контролируется министерством образования. В поколенческий культурный «must...» – «must read», «must listen», «must know»...

Но, возвращаясь к учебникам литературы, следует отметить, что, например, Гончаров, Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин в них отсутствовали едва ли не до последней декады XIX века. Иными словами, упомянутые поющие идолы оказались в школьных книгах куда стремительнее. Впрочем, не только в них.

В своём стихотворении «Юбилейное» Маяковский писал: «Мне бы памятник при жизни полагается по чину...». В этих словах определённо заключена ирония, поскольку далее следует: «Заложил бы динамиту – ну-

ка, дрызнь!» Так или иначе, первый монумент Маяковскому появился через 28 лет после его смерти. И это ещё довольно быстро, ведь, скажем, Пушкин удостоился памятника только спустя 43 года, если не считать неофициальный «дружеский» обелиск «genio loci» в Царском селе, а также групповой монумент «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, на котором присутствует и его фигура. Последний был установлен через 25 лет после гибели поэта.

В то же время первый памятник Высоцкому открыли спустя лишь 8 лет после его смерти, а Горшенёву – спустя 16 месяцев. Вскоре уход лидера «Короля и шута» катализировал создание и установку в Самаре общего монумента «русским рок-музыкантам» (заметим, как это странно рифмуется с памятником «Тысячелетие России»). И подобная «историческая акселерация», подпитываемая недоступным для традиционной литературы в силу упадка её общественной роли энтузиазмом поклонников, носит широкий характер. Сейчас по стране уже несколько памятников Горшенёву.

Созданный в 2002 году и установленный в 2009-м в Санкт-Петербурге монумент Цюю имеет довольно сложную судьбу. Ныне он располагается в Окуловке. Это наиболее известный памятник Виктору, но есть и другие: на месте гибели в Латвии (год открытия 2002-й), в Барнауле (2010 год) и в Караганде (2017 год). Более того, в настоящее время несколько скульпторов пытаются согласовать и установить новые его изваяния.

Похожая история с Башлачёвым. Памятника у него пока нет, хотя желающих скульпторов хватает. Однако на данный момент в его родном Череповце имеется целых три мемориальных доски поэту, что для города, в котором всего два монумента Ленину, безусловно – выдающийся результат.

Упомянутая «историческая акселерация» создаёт неожиданные этические проблемы: монументы появляются не при внуках и правнуках, но при братьях, сёстрах и даже родителях. Вдумайтесь: ситуация, когда матери увековеченного в бронзе или камне человека придётся идти мимо изваяния за хлебом или на работу, чрезвычайно деликатная. Автор этих строк непонаслышке знает безнравственные случаи, связанные с двумя проектами памятников Башлачёву, в которые, к несчастью, вовлекали его младшую сестру и родителей.

Не так давно издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу о Викторе Цое в академической и даже исторической серии «Жизнь замечательных людей» [1]. Пусть книга входит в так называемую «малую» подсерию, как прецедент она, оказавшаяся в одной подборке с биографиями Малевича, Пруста и Наполеона, имеет больше значение.

Позиционирование новых героев относительно старых – важная часть канонизации. Скажем, в стихотворении «Пролог» Игорь Северянин говорил, что «для нас Державиным стал Пушкин». Однако поскольку история отечественной рок-поэзии чрезвычайно коротка, и в ней нет далёкого прошлого, здесь проступает очевидная преемственность, восходящая к традиционной литературе. Так Гребенщикова, играющего или игравшего, по мнению широкого круга поклонников рока, центральную роль в пан-

теоне, сопоставляли с Пушкиным, Толстым и даже богом (последнее сравнение вложено в уста главного героя фильма «Асса»). Башлачёву ещё при жизни указывали на очевидные коннотации с Лермонтовым [4], которые становятся ещё чётче при ретроспективном рассмотрении биографии. Александру даже предлагали взять фамилию Михаила в качестве псевдонима. Идея совершенно безумная, но чрезвычайно показательная. На поздних этапах проступили судьбоносные параллели с его тезкой Блоком.

Рок-герои давно стали персонажами анекдотов. Как правило, последние пока заметно менее талантливы, чем народные и авторские побасенки про классиков русской литературы, однако преследуют, а точнее достигают той же цели: фамильяризации отношений, снятия персонажей с пьедестала. Из этого разумно заключить, что и те, и другие на пьедесталах находятся.

Мифология «золотого века» русского рока, которая стремительно набирает обороты, представляет сейчас собой довольно обширный корпус историй о неком благословенном времени. О людях-героях, людях-богатырях, творчески могучих и смелых, не таких как «нынешнее племя». Удивительнее всего, что эту интерпретацию подхватывают самые разные возрастные группы, от мала до велика. С этим связан и шквал кинематографических проектов: например, три фильма о Цое. В данном случае параллели с классиками провести становится затруднительно, поскольку первая картина, скажем, о Пушкине была снята только в 1910 году по объективным причинам, восходящим к истории технического прогресса.

Так или иначе, мы наблюдаем сейчас удивительный феномен. Торопливым вымыслом и мифами порастает настолько недалёкое прошлое, что для некоторых поклонников оно является годами детства, а то и молодости. Этот захватывающий процесс зачастую порождает резко негативные явления, тая в себе опасности быстрого движения по сравнению с размеренным и осторожным. Помимо всего прочего, он уводит от исторической достоверности, справедливости и может завести далеко. Нетрудно предположить, какой идиллией именуют шансы рисоваться позднесоветские годы тем, кто родился в 2010-е и родится позже. Многие негативные явления в мифологию не включаются. «Миф о КГБ» чаще играет роль не устрашающего, а украшающего элемента, придающего происходящему необходимый героический пафос и романтику риска. Позитивные же явления по законам мифотворчества многократно усиливаются, а чаще додумываются. Подобный взгляд оказывается всё более привлекательным, поскольку возвращает людям мечту об условной «великой эпохе» за плечами, дарит шанс считать себя потомками титанов, а кому-то – надежду соответствовать в будущем. Очевидно, сказанное актуальнее всего для молодых людей, но они же в данном случае и являются основной аудиторией.

Потому не так уж и важно, что стандартный словарь программы Microsoft Word всё ещё не «знает» фамилий «Цой», «Башлачёв» и «Летов». Ведь он и фамилии «Языков» не знает. Для него это всего лишь имя существительное во множественном числе и родительном падеже.

Литература

1. *Калгин В.* Виктор Цой. [Текст] / В. Калгин. – М.: Молодая гвардия, 2015.
2. *Кормильцев И.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция [Текст] / И. Кормильцев, О. Сурова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь: ТвГУ, 1998. – С. 5-33.
3. *Лысиков А.* Стихи [Текст] / А. Лысиков. – М.: Livebook, 2014.
4. *Наумов Л.* Александр Башлачёв – человек поющий. Стихи. Биография. Материалы. Интервью [Текст] / Л. Наумов. – СПб.: Амфора, 2010, 2013. М.: Выргород, 2017.
5. *Розанов И.* Канонизация классиков [Текст] / И. Розанов // Розанов И. Литературные репутации. – М.: Советский писатель. 1990. – С. 89-110.
6. *Розанов И.* Литературные репутации [Текст] / И. Розанов // Розанов И. Литературные репутации. – М.: Советский писатель. 1990. – С. 16-29.
7. *Розанов И.* Популярные песни и их авторы [Текст] / И. Розанов // Розанов И. Литературные репутации. – М.: Советский писатель. 1990. – С. 82-89.
8. *Brown N.* The Case Against Bob Dylan’s Nobel Prize Win [Текст] / N. Brown // Men’s Journal. – 2016.